

ЭЛЬМИРА ШАБУРОВА

SCIENTIA
HUMANITAS
PROGRESSUS

ЭРА КОСМИЧЕСКОЙ МАГИИ

Эльмира Шабурова

Эра космической магии

«Автор»

2026

Шабурова Э.

Эра космической магии / Э. Шабурова — «Автор», 2026

В 2126 году на космической станции у Нептуна течёт монотонная научная жизнь. Всё меняется, когда команда ловит загадочный объект, излучающий необычную энергию. После этого все обитатели станции обретают магические способности — от стихийной магии до дара предвидения. Связь с Землёй потеряна, а шпион корпорации «Март» Пётр Шмид, укравший осколок артефакта, начинает превращаться в дракона. Когда станция взрывается, выжившие отправляются к Земле, но узнают, что и там царят хаос и магия. Смогут ли они найти способ вернуть всё на круги своя или мир навсегда изменится?

© Шабурова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рутинa на краю Солнечной системы	5
Глава 2. Ловля странника	12
Глава 3. Первые признаки	18
Глава 4. Странные происшествия	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эльмира Шабурова

Эра космической магии

Глава 1. Рутин на краю Солнечной системы

Год две тысячи сто двадцать шестой от Рождества Христова человечество встретило в состоянии абсолютной, звенящей скуки.

Скука — это не просто отсутствие событий. Скука — это когда ты знаешь меню синтезатора пищи на станции «Тритон-7» лучше, чем лицо собственной матери по видеосвязи. Это когда гул гравитационных компенсаторов становится для тебя колыбельной, а запах озона и переработанной мочи — ароматом родного дома. Станция висела на орбите Нептуна уже одиннадцать лет, превратившись из аванпоста прогресса в элитный санаторий для полусотни ученых с манией величия и двух десятков человек персонала, которые их терпели.

Фавна Рит ненавидела свою жизнь ровно сорок процентов времени бодрствования. Остальные шестьдесят делились между работой и сном. Она была лаборантом-химиком второй категории. В ее обязанности входило следить за тем, чтобы питательный бульон для водорослей хлореллы имел правильный кислотно-щелочной баланс, и раз в неделю калибровать спектрометры. Фавна считала себя воплощением космической несправедливости.

В свои двадцать восемь она обладала фигурой античной статуи, которую зачем-то наряжали в мешковатый оранжевый комбинезон технического персонала. Большая грудь, которая вечно цеплялась за ручки шкафчиков; широкие бедра, которым было тесно в коридорах модуля жизнеобеспечения; и копна пшеничных волос, которые отказывались лежать в строгой уставной гульке и вечно выбивались, падая на глаза. Лицом природа тоже постаралась: аккуратный нос, высокие скулы и огромные, цвета глубокого земного океана синие глаза. Но Фавна упорно видела в зеркале только невзрачную блондинку-переростка.

— Если я еще раз увижу этот рН-метр сдвинувшимся хотя бы на ноль-ноль-три, клянусь ледяными кольцами Сатурна, я выпрыгну в шлюз без скафандра, — пробормотала она, щелкая тумблером.

Из-за соседнего стола, заваленного нейрошунтами и пустыми стаканчиками из-под синтетического кофе, донеслось приглушенное хмыканье.

— Не выпрыгнешь. У нас страховка аннулируется при самоубийстве, а твоя тетушка Зина перестанет присылать тебе настоящие яблоки с Земли. А они у тебя хранятся под кроватью, я знаю. Я твой психолог, забыла? Мне положено знать о твоих тайниках с контрабандой.

Саша Смар был единственным человеком на станции, ради которого Фавна просыпалась с хорошим настроением. Он сидел, закинув ноги в тяжелых магнитных ботинках на консоль управления (за что Луиза Зариповна еженедельно выписывала ему штрафы), и лениво перебрасывал меж пальцами металлический шарик-антидепрессант. Психолог третьей категории Александр Смар выглядел так, будто его собрали из запчастей разных андроидов: долговязый, нескладный, с вечно встрепанными темными волосами и глазами, полными вселенской тоски профессионального слушателя чужого нытья.

— Ты единственный психолог на пять световых часов вокруг, который сам нуждается в терапии больше, чем его пациенты, — фыркнула Фавна, стягивая резинку с волос. Пшеничная прядь тут же упала ей на нос. — И перестань называть мои яблоки контрабандой. Это гуманитарная помощь угнетенному пролетариату Тритона.

— Угнетенный пролетариат вчера съел годовой запас карамели из общего хранилища, — парировал Саша. — Кстати об угнетении. Третий месяц одно и то же. Мы ловим сигналы пульсаров, анализируем состав метанового льда и спорим, кто громче храпит во сне. Я скоро начну диагностировать у себя экзистенциальный кризис исключительно ради разнообразия медицинской карты.

Экзистенциальный кризис накрыл станцию внезапно, но начался он буднично.

Над дверью шлюза, ведущего в главный зал наблюдения, трижды мигнул красный диод. Раздался голос, лишенный всяких эмоций благодаря вокодеру:

— Внимание персоналу. Код «Алый закат». Всему научному составу собраться в главном брифинг-зале через десять минут. Службе безопасности — полная боевая готовность второго уровня.

Второй уровень боевой готовности означал, что двум лейтенантам охраны нужно снять пистолеты-парализаторы с предохранителей, а пятерым рядовым — надеть шлемы. На практике это обычно значило, что центральный компьютер словил глюк или кто-то из астрофизиков перепил ферментированного соевого молока.

Фавна и Саша переглянулись. Десять минут. Ровно столько им требовалось, чтобы добраться до зала, попутно собирая сплетни.

Луиза Зариповна Изова стояла перед панорамным окном главного поста управления. За тройным слоем бронепластика и силового поля клубился глубокий ультрамарин космоса, подсвеченный далеким солнцем размером с булавочную головку. Сама Нептун отсюда казался лишь чуть более ярким мазком синевы.

Луизе Зариповне было шестьдесят два года. Железная леди, доктор наук, женщина, способная взглядом остановить реактор холодного синтеза. Сейчас ее идеально уложенная седая коса дрожала от сдерживаемого напряжения.

Когда двери разъехались, впуская толпу заспанных ученых в разноцветных комбинезонах, она даже не повернулась.

— Тихо, — бросила она в пространство.

Гул голосов мгновенно стих. Пятидесятичетырехлетний профессор геологии Клопов, успевший прихватить с собой недоеденный батончик, судорожно спрятал его за спину.

— Двадцать три минуты назад сеть дальнего обнаружения зафиксировала аномалию, — ровным голосом начала Изова, поворачиваясь к своим подчиненным. Ее карие глаза сканировали лица. — Объект массой около ста сорока килограммов вошел в пределы орбиты Нептуна. Скорость — девяносто километров в секунду. Траектория гиперболическая, объект пришел извне Солнечной системы.

По залу пронесся возбужденный шепот. Внешняя аномалия. Впервые за семь лет.

— Спектральный анализ невозможен, приборы сходят с ума. Радиационный фон колеблется от нуля до смертельного за миллисекунды. Тепловое излучение отсутствует, однако объект испускает энергетический импульс, который наши сенсоры классифицируют как... — она сделала паузу, словно само слово доставляло ей физическое неудобство, — ...магический.

Кто-то нервно хихикнул. Старые шутки про магию были популярны среди физиков-теоретиков после третьего стакана спирта.

— Это не шутка, старший научный сотрудник Буров, — холодно отрезала Луиза. — Командование Земного Альянса присвоило объекту статус «Абсолютный приоритет-А». Нам приказано перехватить его. Живьем.

Вот теперь зал загудел по-настоящему. Перехват объекта, несущегося быстрее большинства патрульных крейсеров, станцией, чей двигатель предназначен лишь для коррекции орбиты?

— Как именно мы это сделаем, Луиза Зариповна? — подал голос Виктор Громов, глава биологического отдела.

Виктор был проблемой станции иного рода. Высокий, широкоплечий, с идеальным профилем греческого бога и улыбкой, от которой плавилась контакты в распределительных щитах женского жилого блока. Он ухаживал за Фавной уже полгода. Приносил ей очищенную воду идеальной температуры, настраивал климат-контроль в ее лаборатории и смотрел на нее так, словно она была последним цветком на Марсе. Для любой другой женщины на станции это стало бы билетом в сказку. Для Фавны это было ежедневным раздражителем. Она знала этот типаж. Красивый мальчик, привыкший, что девушки сами прыгают к нему в койку. Его навязчивость бесила ее почти так же сильно, как восхищала остальную женскую часть экипажа.

— Капитан грузового челнока «Стриж», господин Шмид, любезно согласился модифицировать захватные сети своего судна, — ответила Изова. — Операция начнется через час. Лейтенанты Охрименко и Васильев обеспечат периметр. Доктор Клопов, вы рассчитаете точку перехвата. Госпожа Рит...

Фавна вздрогнула. Вся станция посмотрела на нее.

— Подготовьте мобильный лабораторный бокс четвертого класса защиты. Что бы ни упало в наши сети, оно может быть биологически или химически агрессивным. Вы идете в составе группы контакта.

Фавна кивнула, чувствуя, как внутри все сжимается от смеси ужаса и восторга. Происшествие. Настоящее происшествие.

Подготовка заняла пятьдесят восемь минут. Группа захвата состояла из пилота Шмида, самой Фавны с ее боксом, Виктора с трикордером наперевес (для солидности) и двоих лейтенантов службы безопасности.

Пётр Шмид ждал их в ангаре у открытого люка своего пузатого грузовика. Шмид был мужчиной неопределенного возраста, где-то между тридцатью пятью и вечностью. Худой, жилистый, с лицом, которое, казалось, состояло только из острых углов и щетины. Он никогда не участвовал в общих праздниках, не пил синтетическое пиво и всегда носил тяжелые рабочие перчатки. Поговаривали, что он числится внештатным сотрудником корпорации «Март»,

промышленного гиганта, скупающего редкие элементы. Но доказательств не было, а служба безопасности смотрела на него сквозь пальцы — кому охота связываться с корпорациями?

— Держитесь за поручни, ученые, — буркнул он в коммуникатор. — Маневр уклонения будет жестким.

«Стриж» отстыковался от «Тритона-7». Гравикомпенсаторы жалобно взвыли, когда корабль, отключив инерционные гасители, рванул навстречу аномалии.

За бортом творилось нечто невероятное. Поток метеоритов, которых радары почему-то не видели визуально, плотной стеной шел сквозь пространство. Они не сталкивались друг с другом, двигаясь идеальными параллельными курсами, словно разумный рой.

— Магнитная линза, — прошептал Виктор, глядя на экран. — Она тянет пыль прямо к центру. Там что-то есть. Что-то очень массивное.

Объект появился внезапно. Он не светился. Он поглощал свет. Идеально черный куб со стороны около метра, окруженный ореолом фиолетовой плазмы. Он действительно не отражал ничего, превращая черноту космоса в абсолютную дыру.

— Захват! — крикнул Шмид.

Выдвинулись электромагнитные захваты. Куб дернулся, сопротивляясь невидимому течению метеоритного потока, и медленно пополз в приемный шлюз корабля.

— Есть контакт! — доложил один из лейтенантов. — Масса стабильна. Энергетические всплески прекратились. Похоже, спит.

Шмид начал обратный разворот к станции. И в этот момент случилось то самое «веселое» происшествие.

Один из мелких метеоритов, отколовшихся от основного потока, ударил в кормовую дюзу маневрового двигателя. Искр не было. Просто кусок камня прошел сквозь металл, как нож сквозь масло, испарив половину сопла. Корабль резко повело вбок.

Всех швырнуло на ремни безопасности. Бокс Фавны сорвало с креплений. Черный куб в шлюзе качнулся, и от удара о внутреннюю створку от него откололся крошечный, не больше грецкого ореха, осколок. Он блеснул перламутром в свете аварийных ламп и провалился в технологическую щель между палубой и корпусом шлюза.

— Мать вашу, тормозной путь увеличен на сорок секунд! — прорычал Шмид, выравнивая корабль. — Всем держаться!

Они доковыляли до станции на честном слове и одном маневровом вентиляторе. Когда люки открылись, весь персонал «Тритона-7» высыпал в ангар. Люди смеялись, хлопали друг друга по плечу, пожимали руки ученым. Впервые за годы здесь пахло адреналином, а не хлопьями. Даже Луиза Зариповна позволила себе едва заметную улыбку уголками губ. Задание выполнено. Объект пойман. Жизнь снова стала интересной.

Осколок, тихо лежащий в темноте технологического желоба, никто не заметил. Никто, кроме Петра Шмида. Пока медики осматривали экипаж на предмет перегрузок, пока физики бежали к ангару с приборами, Шмид сделал шаг в сторону, опустил руку в щель, нащупал гладкий холодный камень и незаметно сунул его во внутренний карман куртки. Инстинкты

шпиона кричали, что такая вещь не должна принадлежать государству. Корпорация «Март» заплатит за это состояние. Или даст власть.

Ночь на «Тритоне-7» наступала тогда, когда Солнце скрывалось за диском Нептуна, и включалось дежурное освещение с теплым оранжевым оттенком, имитирующим земной закат. По расписанию была глубокая фаза сна.

Фавна не могла уснуть. Сердце, разогнанное дневной вылазкой, никак не хотело успокаиваться. Она ворочалась на узкой койке, пытаясь устроиться так, чтобы грудь не давила на ребра. Рядом, на прикроватной тумбочке, стоял заветный контейнер с яблоком. Оно пахло осенью, листьями и домом. Этот запах окончательно прогнал сон.

Она решила пойти выпить воды. Коридоры жилого модуля были пусты. Мягко шипели фильтры. Добравшись до куллера, она подставила кружку. Вода зажурчала, заполняя пластик.

И вдруг воздух в коридоре изменился.

Это нельзя было описать словами. Сначала исчез звук фильтров. Потом пропал низкочастотный гул вентиляции. Наступила абсолютная, мертвая тишина, какая бывает только в вакууме. А затем кожу начало покалывать миллионами микроскопических иголок. Запахи исчезли. Цвета стали неестественно яркими, режущими глаз. Фавна замерла с кружкой в руке.

Из-за угла, пошатываясь, вышел Саша Смар. В руках он держал свою подушку.

— Фавна? — сипло спросил он. — Ты тоже это чувствуешь? Мои нейрошунты... они поют. Буквально. Я слышу гимн Советского Союза, хотя ненавижу духовые оркестры. И моя подушка... смотри.

Он протянул подушку вперед. Обычная синтетическая подушка. Но сейчас от нее исходило мягкое, пульсирующее золотистое свечение.

— Саш, положи эту радиоактивную гадость, — прошептала Фавна, отступая на шаг. Ее собственная кружка с водой в руке начала медленно подниматься в воздух. Без участия пальцев. Вода внутри превратилась в идеальный кристалл льда, хотя температура в модуле была плюс двадцать два.

— Я сплю? — выдохнул Саша, роняя подушку. Она упала на пол с обычным глухим звуком, и свечение погасло. Кружка Фавны с плеском вернулась в ее ладонь, пролив половину воды ей на тапочки.

В дальнем конце коридора, возле медблока, раздался грохот. Истошный мужской вопль, полный такой первобытной боли, что волосы на затылке встали дыбом.

Они побежали на звук. Дверь кабинета регенеративной терапии была выбита изнутри.

На полу бился в конвульсиях Кирилл, штатный врач станции. Его кожа стремительно серела, приобретая металлический блеск, а ногти на руках удлинялись, превращаясь в острые черные когти, которыми он царапал стальной пол, оставляя глубокие борозды.

— Холодно... слишком много железа... — прохрипел он, прежде чем его тело выгнулось дугой и затихло.

Кирилл перестал дышать. Саша упал рядом с ним на колени, пытаясь нащупать пульс.

— Клиническая смерть. Остановка сердца. Нет, стой... — Саша поднял голову. Его зрачки расширились так, что радужки почти не было видно. — Фавна. Его сердце не остановилось. Оно просто... сменило ритм. Теперь оно бьется в ультразвуке. И его кровь... она собирается в шарики и левитирует над венами.

В этот момент по всей станции одновременно выключился и включился свет. А потом включилась система пожаротушения, хотя огня нигде не было. С потолка посыпалась белая порошковая взвесь.

Из инженерного отсека донесся восторженный рев профессора Клопова:

— ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ ПОЛЯ СУЩЕСТВУЕТ! ЭТО ПРОСТО НАСТРОЙКА КВАНТОВЫХ ОСЦИЛЛЯТОРОВ!

Следом послышался звон разбитого стекла и женский визг. Кажется, жена старшего механика попыталась включить планшет силой мысли, и тот взорвался.

Фавна прижалась спиной к холодной стене, размазывая по лицу противопожарную пыль. Саша сидел на коленях рядом с телом врача, который определенно начинал подавать признаки жизни, пусть и в качестве шагающего металла.

— Саш, — тихо позвала Фавна. — Мне кажется, наше задание немного вышло из-под контроля.

— Немного? — переспросил психолог, глядя куда-то сквозь стену. Его губы тронула странная, совершенно безумная улыбка. — Фавна, я вижу линии вероятности. Прямо сейчас. Если мы выйдем в этот коридор через три секунды, младший научный сотрудник Тюрин врежется в нас, потому что учится летать. Отойди-ка.

Фавна послушно шагнула в душевую кабинку. Через три секунды мимо промчался бледный Тюрин, беспорядочно махая руками и задевая макушкой потолок.

Только трое из пятидесяти семи обитателей станции сохранили относительную ясность ума в первые минуты Катаклизма. Фавна, чья химия мозга всегда работала на грани хаоса, восприняла магию как смену агрегатного состояния реальности. Саша, чьи познания в психиатрии позволили ему быстро принять новую парадигму как массовый психоз высшего порядка, который можно изучить. И Виктор.

Виктор нашел их в коридоре, когда пытался взлететь самостоятельно. Получалось плохо — он лишь нелепо подпрыгивал, тяжело дыша.

— Девочки, мальчики, — просиял он, зависнув в полуметре от пола. Потoki воды из сработавших спринклеров огибали его фигуру, стекая по невидимому куполу. — Вы видите?! Я знал! Я всегда чувствовал, что я особенный! Посмотрите на меня! Я сияю!

Фавна посмотрела. Он действительно сиял. Весь. Золотистым, самовлюбленным светом. И это сияние раздражало ее сильнее, чем любая космическая аномалия.

— Сядь на пол, нарцисс, пока не сгорел от собственного эго, — устало бросила она, стряхивая с ресниц порошок. — И молись, чтобы эта штука дала нам способность телепортировать блоки сигарет, иначе завтра утром на этой станции случится бунт похуже магического.

Где-то глубоко в недрах станции, в заброшенной вентиляционной шахте, Петр Шмид достал из кармана перламутровый осколок. Он прижимал его к груди, чувствуя, как тепло растекается по жилам. Камень пульсировал в такт его сердцу.

Петр улыбнулся. Завтра мир изменится. И меняться он начнет с него. Он почувствовал, как вдоль позвоночника пробежала приятная судорога, а лопаткам вдруг стало невыносимо тесно в комбинезоне.

А высоко над ними, в главном лабораторном боксе, надежно запертый титановыми плитами, абсолютно черный куб издал первый тихий вздох.

Глава 2. Ловля странника

Пространство вблизи Нептуна никогда не было гостеприимным. Температура здесь стремилась к абсолютному нулю, а радиационные пояса планеты-гиганта превращали любой незащищенный металл в решето за считанные годы. Но для станции «Тритон-7» этот ледяной ад был домом уже одиннадцать лет, три месяца и четырнадцать дней.

Операция перехвата началась ровно в 14:00 по внутростанционному времени. В ангаре пахло озоном, остывающим титаном и дешевым дезинфицирующим средством. Фавна Рит стояла у открытого грузового люка модифицированного тягача класса «Стриж». На ней поверх стандартного оранжевого комбинезона болтался тяжелый свинцовый фартук — пережиток эпохи раннего освоения атома, который завхоз нашел на складе списанного оборудования. Фартук висел исключительно на груди, грозя перевесить девушку назад при любом резком движении.

— Если я упаду лицом вниз из-за этой железки, Саша, ты обязан будешь написать в моем некрологе, что смерть наступила от нарушения центра тяжести, а не от стыда, — процедила она, пытаясь застегнуть магнитную пряжку.

Саша Смар, облаченный лишь в свой обычный мятый свитер с высоким горлом, меланхолично жевал батончик со вкусом синтетической карамели. Его психологический профиль всегда отличался пугающим спокойствием перед лицом надвигающейся глупости.

— Я напишу, что тебя погубило тщеславие, — отозвался он, протягивая ей тубик с герметиком. — Замажь щели в этом музейном экспонате. Если куб решит чихнуть гамма-излучением, твоя левая грудь получит иммунитет, а правая превратится в квантовую пену. Симметрия лица будет нарушена, это ударит по твоей самооценке сильнее радиации.

Фавна фыркнула, но тубик взяла. Она знала Сашу с детства, еще с колонии на Церере. Тогда он лечил ободранные коленки подорожником, утверждая, что плацебо работает даже на детях, если завернуть его в красивый фантик. Сейчас он пытался лечить страхом смерти ее инстинкт самосохранения.

В глубине ангара Луиза Зариповна Изова проводила последний инструктаж. Ее голос, усиленный динамиками, звучал как скрежет гравия под гусеницами вездехода.

— Объект вошел в зону захвата. Маневр уклонения Шмида прошел штатно, несмотря на потерю трети дюзы. Напоминаю: физический контакт запрещен. Сенсоры показывают хаотичный выброс энергии, наши приборы сходят с ума, потому что пытаются измерить магическое поле законами термодинамики. Это все равно что мерить глубину океана чайной ложкой. Группа контакта — дистанция пять метров. Лейтенанты Охрименко и Васильев держат периметр. Рядовой Птицын, вы зачем взяли с собой сковородку?

— Так ведь аномалия, товарищ капитан! — браво отчеканил рыжий веснушчатый парень, прижимая к груди старую чугунную сковороду. — Бабка говорила, против нечистой силы только железо помогает!

Луиза Зариповна закрыла глаза, медленно досчитала до десяти и открыла их снова.

— Рядовой Птицын, положите фольклорный артефакт. Ваша бабка жила в Рязанской области, там плотность магического фона была ниже, чем содержание кислорода в вакууме.

Работаем строго по протоколу Альфа-Нептун. Вопросы есть? Отлично. Начинаем обратный отсчет.

Пилот Пётр Шмид ненавидел инструкции. Он любил вакуум, рев двигателей и ощущение полного контроля над многотонной массой металла. Сейчас его руки лежали на штурвале, а глаза следили за радаром. Черный куб приближался.

Он больше не казался просто черным. Теперь, когда расстояние сократилось до пары километров, стало видно, что объект поглощает свет неравномерно. По его граням пробегали волны глубокого фиолетового цвета, словно внутри камня ворочалось нечто живое и очень злое. Метеоритный поток, сопровождавший Странника, начал редеть, втягиваясь в невидимую воронку вокруг куба.

— Захват пошел, — спокойно доложил Шмид.

Из днища «Стрижа» выдвинулись электромагнитные захваты. Тонкие, раскаленные докрасна клешни. Шмид рассчитал траекторию идеально. Клещи должны были сомкнуться на верхней грани куба, обездвигив его мощным магнитным полем.

Клешни коснулись поверхности объекта.

И ничего не произошло.

Куб не дернулся. Магнитное поле, способное удержать на месте небольшой астероид, просто исчезло, растворившись в пространстве без единого возмущения.

— Что за... — пробормотал Шмид. — Поле ноль. Масса стабильна. Энергии нет.

— Пётр, не спи! — рявкнула Изова. — Повтори захват!

Шмид активировал резервные захваты. На этот раз механические. Тяжелые гидравлические манипуляторы выстрелили вперед. Металлические пальцы с мягким лязгом обхватили углы куба.

Вот тут-то и начался обещанный «веселый инцидент».

Объект оказался невероятно скользким. Не физически — гидравлика держала его мертвой хваткой. Скользким метафизически. Куб вдруг стал растягиваться, как кусок смолы. Его углы поплыли, теряя геометрию Евклида. Один манипулятор внезапно обнаружил, что держит пустоту, хотя визуально куб никуда не делся. Пространство вокруг него пошло рябью.

В этот момент поврежденная дюза правого борта решила напомнить о себе. Поток нестабильной плазмы вырвался наружу коротким импульсом.

Это не повредило корабль. Это создало локальное гравитационное искажение.

«Стриж» резко повело вправо. Всех, кто находился в открытом трюме, бросило на переборку.

Фавна взвизгнула. Тяжелый свинцовый фарток сыграл роль отличного рычага. Центр тяжести сместился окончательно. Девушка потеряла равновесие и полетела головой вперед прямо в открытый космос, навстречу сжимающимся манипуляторам.

Время для нее замедлилось. Она видела каждую заклепку на потолке ангара, видела, как Саша беззвучно открывает рот в крике, видела собственное отражение в темном забрале шлема лейтенанта Васильева. И она чувствовала запах. Запах озона и чего-то сладкого, похожего на жженный сахар. Этот запах шел не снаружи. Он рождался где-то в затылке.

Она врезалась в мягкий амортизирующий бортик шлюза за секунду до того, как автоматика начала экстренную герметизацию. Удар выбил воздух из легких, но спас жизнь.

А черный куб, освобожденный на долю секунды сбоем системы, рухнул на палубу ангара. Удар был глухим. Но от одного из нижних углов откололся фрагмент. Крошечный, размером не больше грецкого ореха. Он блеснул перламутром в свете аварийных ламп — единственная яркая вещь во всем объекте — и бесшумно провалился в вентиляционную решетку пола.

Никто этого не заметил. Все смотрели вверх.

Куб теперь вел себя смирно. Он просто лежал в сетке захватов, абсолютно матовый, тусклый и совершенно безопасный на вид.

— Мать вашу... — выдохнул Шмид, выравнивая тягу. — Доклад. Живы?

— Жива, — прохрипела Фавна, садясь на пол и ощупывая голову. Волосы выбились из-под сетки окончательно, превратившись в пушистое облако вокруг головы. — Мой героизм чуть не убил меня быстрее магии. Саша, твой диагноз?

Психолог сидел на корточках, потирая ушибленный локоть. Его взгляд был прикован к кубу.

— Легкое сотрясение моей веры в законы физики, — ответил он. — И острый приступ когнитивного диссонанса у всего экипажа. Знаешь, что самое страшное, Фав? Приборы молчат. Полностью. Радиация — фон Нептун-нормаль. Тепловое излучение — комнатная температура. Гравитация — стандарт. Мы только что поймали Бога в авоську, а сканеры говорят, что мы везем мешок с картошкой.

Возвращение на станцию прошло в атмосфере пьяной эйфории. Люди, годами лишенные адреналина, получили инъекцию чистого восторга. Неважно, что половина приборов вышла из строя, а маневровый двигатель корабля требовал полной замены. Они сделали это. Поймали то, чего быть не может.

Куб поместили в главный лабораторный бокс — комнату из трех слоев армированного стекла и титана, предназначенную для работы с антиматерией. Луиза Зариповна лично опечатала двери своим биометрическим ключом.

— Никому. Ни ногой. Исследования начнутся завтра утром, после калибровки всех сенсоров Земли, — объявила она на общем канале. — А сейчас — отбой. Вы все выглядите так, будто вас пожевал Сатурн.

Но станция не хотела успокаиваться. Экипаж собрался в столовой. Кто-то взломал неприкосновенный запас медицинского спирта. Кто-то притащил настоящие сигары (тоже контрабанда). Зал гудел, как растревоженный улей.

Виктор Громов, сияя белозубой улыбкой, подошел к столику, за которым сидели Фавна и Саша. Рядом с ним вилась стажерка из астрофизического отдела, преданно глядя ему в рот.

— Герои дня! — провозгласил Виктор, ставя на стол два бокала с пузырящейся синей жидкостью. — За первый контакт! Фавна, видел твой прыжок. Ты двигалась быстрее расчетной скорости падения. Почти летела. Тебе нужно в сборную станции по невесомости.

— Я поскользнулась на собственном бюсте, Витя, — сухо ответила Фавна, отодвигая бокал. От жидкости пахло химикатами и дешевыми духами той самой стажерки. — Оставь свои гормоны для младших научных сотрудников, они более восприимчивы.

Виктор ничуть не смутился. Такие отказы лишь подогревали его охотничий азарт. Он привык получать все. Красота открывала ему двери реакторного отсека и сердца половины женского состава станции.

— Злая ты, Рит. Ладно, пойду радовать человечество своей неотразимостью. Кстати, наш тихоня Шмид сегодня какой-то нервный. Весь вечер крутился возле лаборатории. Наверное, премию хочет выписать за спасение груза.

Пётр Шмид действительно стоял у панорамного окна столовой, глядя на огни ангара. В отличие от ликующего сброда, пилоту было неуютно. Его чутье, натренированное годами контрабанды редких металлов мимо таможни Земного Альянса, кричало об опасности.

Он вышел в коридор. Станция затихала. Гул вентиляции становился монотонным. Шмид добрался до технического уровня, куда выходила вентиляционная шахта главного бокса.

Присев на корточки, он снял тяжелую решетку. Потянуло холодом и машинным маслом. Он посветил внутрь фонариком. Шахта уходила вертикально вниз, во тьму инженерных коммуникаций.

На третьей ступеньке металлической лестницы что-то тускло блеснуло.

Шмид замер. Сердце пропустило удар, а затем забило часто и тяжело. Он знал блеск этого вещества. Перламутровая пленка, тоньше мыльного пузыря, но тверже алмаза. Осколок измененного пространства.

Петр осторожно, двумя пальцами, извлек находку. Камешек был теплым. Живым. Он пульсировал в ладони, отдаваясь дрожью в кости запястья.

Шмид посмотрел вверх, в сторону запечатанной лаборатории, где остался лежать основной массив объекта. Потом снова на осколок.

Приборы внизу, в инженерной, показывали идеальную тишину. Никаких датчиков движения. Никакого визуального наблюдения.

Решение пришло мгновенно, жестоко и логично. Как решение сбросить балласт в грозу.

Он достал из кармана пустой контейнер для образцов ДНК, вытряхнул оттуда чей-то эпителий и аккуратно опустил туда осколок. Затем сунул контейнер во внутренний нагрудный карман куртки, прямо к сердцу.

Черный камень в главном боксе мог принадлежать человечеству. Маленький кусочек в его кармане теперь принадлежал Петру Шмиду. Корпорация «Март» давала акции за меньшее. А власть... власть давала бессмертие.

Вытерев вспотевшие ладони о штаны, Шмид спокойно вернул решетку на место и направился в свою каюту. Никто ничего не заметил.

Ночь спустилась на «Тритон-7» быстро. Станция вращалась синхронно с планетой, поэтому смена дня и ночи здесь была искусственной, зависящей от расписания дежурств.

Фавна долго лежала в темноте, слушая дыхание соседок по жилому блоку. Сон не шел. Внутри зрела тревога, густая и липкая, как сироп.

Она встала. Накинула халат поверх тонкой футболки. Босые ноги утопали в мягком ковролине. Ей нужен был Саша. Только рядом с человеком, который помнит, как ты разбил коленку в шесть лет, можно перестать притворяться взрослым и компетентным сотрудником.

Ее каюта находилась в конце коридора Б. Когда она проходила мимо медблока, дверь тихо отъехала в сторону. Навстречу ей вышел Кирилл, врач.

Обычно жизнерадостный, румяный мужчина, любитель травить байки про аппендицит в условиях микрогравитации, сейчас выглядел ужасающе. Он был бледен до синевы. Под глазами залегли черные тени, похожие на синяки от ударов.

— Кир, ты в порядке? — остановилась Фавна. — Вид у тебя такой, будто ты заглянул в душу черной дыре.

Кирилл вздрогнул, словно очнувшись от транса. Он попытался улыбнуться, но вышло криво.

— Спал плохо, Фав. Эти стены... они стали слишком тонкими. Я слышу, как растет хло-релла в третьем баке. Каждую клеточку. Это утомляет.

— Выпей снотворного, — посоветовала Фавна, сочувственно похлопав его по плечу.

Рука Кирилла дернулась от ее прикосновения. Он отшатнулся, едва не ударившись о косяк.

— Не трогай меня! — почти выкрикнул он. Голос сорвался на визг. — Прости... прости, Фавна. Просто... иди спать. Нам всем надо спать.

Он скрылся за дверью своего кабинета, щелкнув внутренним замком.

Фавна пошла дальше, ускорив шаг. Инцидент с врачом засел в памяти занозой.

Саша открыл ей на второй сигнал коммуникатора. Он сидел на полу посреди своей комнаты, скрестив ноги. Окно было открыто нараспашку, имитируя земной балкон, хотя за ним была лишь бездна. Комната плавала в серебристом тумане.

— Ты тоже это чувствуешь? — вместо приветствия спросил он. — Воздух звенит. Как стекло перед тем, как лопнуть.

— Он звенит последние десять лет, Саш, — устало сказала Фавна, проходя внутрь и плотно задраивая иллюминатор. Серебристый туман послушно вытек обратно в космос. — Это называется «постоянный низкочастотный гул систем жизнеобеспечения». Психиатр хренов.

— Раньше это был гул моторов, — парировал он, поднимаясь. — А теперь это звучит как симфония. Слушай.

Он поднял руку ладонью вверх.

Фавна смотрела на его руку. Обычная рука, длинные пальцы, коротко стриженные ногти. Ничего особенного.

А потом между его пальцев проскочила искра. Не электрическая — белая, геометрически правильная вспышка света. Она сложилась в крошечный, медленно вращающийся символ, похожий на спиральную галактику.

Символ завис в воздухе, источая легкое тепло.

— Магия слова, — прошептал Саша, зачарованно глядя на узор. — Я просто подумал формулу успокоения, представив ее как звук. И пространство ответило рисунком.

— Поставь вазу, — ровным голосом приказала Фавна. — Если ты сейчас загадишь мне ковер своими галлюцинациями, я расскажу Луизе, что ты употребляешь экспериментальные стимуляторы.

Саша моргнул. Символ дрогнул и рассыпался серебряной пылью.

— Я трезв как стеклышко, — обиделся он. — Более того, я чувствую себя самым здоровым психом в обитаемом секторе. Фав, это началось час назад. Сразу после того, как куб занял свое место в музее славы. Сначала перестали работать электронные часы. Потом мой планшет научился показывать будущее. Там через пятнадцать минут рядовой Птицын попытается пожарить яичницу на подошве ботинка, считая ее священным алтарем.

— Это не предсказание, Саш. Это знание устава нашей столовой. Завтра завтрак — синтезированные белки. Яйца выдают только по праздникам. Сегодня праздник — День Пойманного Куба.

— Хорошо, — кивнул Саша. — Тогда объясни вот это.

Он указал пальцем в угол комнаты. Там, на пластиковом фикусе, который должен был очищать воздух, распускались цветы. Настоящие, живые белые розы. Их стебли стремительно росли, пробивая пластиковый горшок. Корни шевелились в воздухе, ища опоры, которой не было. Вода для них конденсировалась прямо из пересушенного воздуха каюты.

Фавна подошла ближе. Наклонилась, пригнувшись.

— Сахар и озон, — констатировала она. — Тот же запах, что и при падении. Значит, дело не в голове. Дело в химии процесса. Фотосинтез вне биологических циклов... Импульс катализирует митохондрии растений напрямую.

— Ты анализируешь биохимию роз, которые выросли за две секунды, — Саша покачал головой. — Ты несправима.

— Кто-то должен сохранять рассудок, пока начальник станции прыгает по коридорам, стреляя молниями из пальца, — Фавна выпрямилась. — Где Виктор?

— Последний раз я видел, как он пытался открыть замок голыми руками. Замок покраснел от смущения и открылся сам. Кажется, наш Адонис освоил телекинез. Или просто смазал петли гормонами.

В этот момент по общей связи раздался голос Луизы Зариповны. Впервые за долгие годы службы в нем не было ни капли стали. Только растерянность, граничащая с паникой.

— Внимание всему экипажу. Говорит Изова. Прошу... прошу всех оставаться на своих местах. Службе безопасности — заблокировать технические колодцы четвертого сектора. Доктору Кириллу — немедленно явиться в жилой блок Д, каюта двенадцать. У нас... у нас несанкционированный рост костной ткани у младшего инженера Штольца. Он... он пытается встроить в позвоночник кабель питания. Повторяю...

Голос капитана прервался треском статики.

Фавна и Саша посмотрели друг на друга. Веселье закончилось. Началась настоящая работа.

Или конец света. На «Тритоне-7» эти понятия становились синонимами.

— Похоже, нам придется пересмотреть план эвакуации, — вздохнула Фавна, доставая из шкафа тяжелый свинцовый фартук. — Помоги застегнуть. Чувствую, сегодня вечером моя большая грудь станет отличным щитом от фаерболов.

Глава 3. Первые признаки

Ночь на «Тритоне-7» всегда была понятием относительным. Станция вращалась вокруг своей оси с выверенной до миллисекунды точностью, подчиняясь строгому распорядку энергосбережения. В двадцать два ноль-ноль по бортовому времени основной свет в коридорах сменялся тусклым янтарным дежурным освещением, имитирующим земной закат. Это было сделано для сохранения циркадных ритмов экипажа, половина которого никогда не видела настоящего солнца.

Для Фавны Рит эта ночь началась с запаха озона и жженого сахара, который преследовал ее с момента падения в ангаре. Она лежала на узкой койке жилого блока, глядя в серый потолок. Сон отказывался приходить. Ее тело гудело от накопленного за день напряжения, а мозг химика-аналитика пытался разложить произошедшее на атомы.

«Черный куб. Масса сто сорок килограммов. Спектральный анализ невозможен. Поглощение света стопроцентное. Излучение хаотичное», — крутилось у нее в голове.

Она перевернулась на бок. Узкая койка протестующе скрипнула. Проблема была не только в загадочном объекте. Проблема была в Викторе Громе.

После того как она столкнулась с ним в столовой, где он демонстрировал стажерке свою голливудскую улыбку, ей стало физически дурно. Не от ревности — Фавна давно решила, что ревность это слишком энергозатратная эмоция для женщины с ее гормональным фоном. Ей стало дурно от несправедливости мироздания.

Виктор был идеален. Двадцать пять лет, фигура античного атлета, волосы цвета воронова крыла, которые сами собой укладывались в модную небрежность, и глаза цвета штормового моря. Он умел чинить гидравлику, программировать нейросети и играть на расстроенном пианино в рекреации так, что суровые инженеры пускали слезу. Девушки на станции делились на тех, кто уже побывал в его постели, и тех, кто стоял в очереди. Очередь двигалась быстро.

Фавна же считала себя ходячей катастрофой. Большая грудь вечно цеплялась за углы, широкие бедра мешали проходить в стандартные люки, а пшеничные волосы жили своей жизнью. Единственное, что в ней было безупречно — это огромные синие глаза, но они обычно смотрели из-под нахмуренных бровей человека, которому нужно срочно дезинфицировать пробирку.

— Слишком много тестостерона в замкнутом пространстве убивает мои синапсы, — вслух сказала она темноте.

С соседней койки, разделенной лишь тонкой пластиковой перегородкой, раздался сонный голос Саши:

— Если ты сейчас начнешь составлять химическую формулу тестостерона, я вылью на тебя стакан воды. И учти, мой внутренний психолог предупреждает: агрессия во сне является признаком подавленной сексуальности. Так что готовься к психоанализу своего храпа.

— Я не храплю, — огрызнулась Фавна. — Это резонанс вентиляционной шахты.

— Шахта резонирует исключительно когда ты лежишь на спине. Грудная клетка работает как акустический отражатель.

Саша сел на кровати. В полумраке его лицо казалось еще более осунувшимся, чем днем. Под глазами залегли глубокие тени.

— Ты тоже не спишь? — спросила Фавна.

— Пытался. Мой матрас начал транслировать мне документалистику о жизни инфузорий-туфелек. Очень познавательно, но мешает считать овец. А потом... началось это.

Он поднял руку. На кончиках его пальцев плясали крошечные голубые искорочки. Они не обжигали, не излучали тепла. Они просто были. Синие мотыльки, рожденные статикой.

— У тебя фаза короткого замыкания, — констатировала Фавна, садясь и включая ночник над изголовьем. Желтый свет ударил по глазам. Искры исчезли. — Или остаточный заряд от работы с кабелями. Дай палец.

Она схватила его за запястье, профессионально нащупывая пульс. Кожа Саши была холодной, но под кожей бился ритм, совершенно не похожий на человеческий. Так-так-пауза-бах. Словно внутри него работал маленький дизель-генератор.

— Пульс аритмичный, давление повышено, зрачки расширены, — пробормотала она, приносясь к его коже. — От тебя пахнет озоном. Точно таким же, как от осколка. Саш, мы облучились?

— Если бы мы облучились, твоя большая грудь светилась бы в темноте ярче новогодней елки, а моя печень превратилась бы в желе, — Саша высвободил руку. — Нет, Фав. Это другое. Я чувствую... плотность. Воздух стал густым. Как кисель. Попробуй выдохнуть через сжатые зубы.

Фавна недоверчиво хмыкнула, но послушалась. Она набрала полную грудь воздуха и резко выдохнула сквозь стиснутые зубы.

Вместо обычного шипения вырвался поток сжатого ветра. Занавеска на иллюминаторе взметнулась вверх, словно от порыва сквозняка, хотя система вентиляции работала на минимуме. стакан с водой на тумбочке покрылся легкой изморозью.

Фавна посмотрела на свои руки. Потом на Сашу.

— Либо мы оба сошли с ума синхронно, либо законы термодинамики сегодня взяли выходной, — прошептала она. — Нужно проверить Кирилла. Его поведение перед сном меня пугало.

Они вышли в коридор ровно в 02:14. Дежурное освещение мигнуло. Раз, другой. Светодиодные ленты вдоль плинтуса на секунду погасли, погрузив модуль в абсолютную темноту, а затем вспыхнули болезненно-белым, хирургическим светом.

Воздух действительно изменился. Он вибрировал. Низкочастотный гул гравикомпенсаторов, который составлял звуковой фон всей их жизни, пропал. Наступила тишина настолько глубокая, что Фавна слышала, как трутся друг о друга ресницы, когда она моргает.

И запах. Запах озона и жженных фиалок стал невыносимым. Он щекотал нос и вызывал желание чихнуть, но чихнуть не получалось — спазм перехватывал горло.

— Сирена молчит, — заметил Саша, указывая на красные плафоны тревоги. — Центральный компьютер считает, что все идеально. Температура плюс двадцать один и восемь. Давление норма. Радиационный фон...

— Фон зашкаливает, но приборы показывают норму, — закончила за него Фавна. — Потому что радиации нет. Есть нечто, для чего у наших датчиков нет названия. Оно перепишивает физические константы прямо на ходу.

По пути им встретился рядовой Птицын. Тот самый рыжий парень со сковородкой. Сейчас он стоял посреди коридора и смотрел на свою правую ладонь с выражением первооткрывателя.

Его кожа медленно покрывалась коркой серого гранита. Сначала пальцы, затем кисть. Процесс шел беззвучно. Кровеносные сосуды проступили черными прожилками на камне.

— Рядовой? — осторожно позвал Саша. — Птицын, положи сковородку. Железо экранирует поле, если это электромагнитная аномалия. Положи ее!

Птицын повернул голову. Его глаза стали абсолютно белыми, без намека на радужку или зрачок. Каменная корка доползла до локтя.

— Земля говорит, — прохрипел он голосом, лишенным всяких интонаций. — Но земля сделана из стекла. Мы идем по дну океана, Саша. Не шуми, распугаешь рыб.

Он шагнул вперед, прошел сквозь закрытую дверь подсобного помещения (дверь осталась закрытой, а Птицын оказался внутри, оставив после себя лишь легкое облачко гранитной пыли) и скрылся из виду.

— Магия предвидения вперемешку с трансмутацией материи, — задумчиво произнес Саша. — Интересный коктейль. Бедный мальчик теперь думает, что он дельфин. Надо сообщить Луизе Зариповне.

— Чем?! Коммуникаторы выдают белый шум! — Фавна потрясла свой браслет. Экранчик мерцал, показывая то таблицу Менделеева задом наперед, то рецепт борща. — Связи нет. Мы слепы и глухи. Пойдем к медблоку, Кирилл должен быть там.

Дверь кабинета регенеративной терапии была приоткрыта. Из щели лился пульсирующий багровый свет.

Фавна остановилась, выставив руку назад, останавливая Сашу.

— Чувствуешь? — шепнула она. — Там жарко. Как в топке.

Они заглянули внутрь.

Кабинет перестал быть медицинским помещением. Это была пещера кристаллов. Все поверхности — стены, кушетки, мониторы — заросли острыми рубиновыми иглами. Потолок провис под тяжестью огромных друз аметиста.

А в центре, оседлав медицинский стул, сидел Кирилл.

Он больше не выглядел человеком. Его кожа приобрела металлический блеск, напоминая ртуть. Волосы выпали, обнажив череп, покрытый сложным геометрическим узором из шрамов, которых раньше не было. Медик раскачивался взад-вперед и тихо смеялся. Звук был механическим, лязгающим.

Рядом с ним стояла медсестра Оля. Самая тихая девушка на станции, которая боялась собственной тени. Сейчас она парила в полуметре от пола. Ее ноги превратились в потоки жидкого серебра, сливающиеся с лужицей на кафеле. Она пыталась коснуться лица Кирилла, но ее руки вытягивались, превращаясь в длинные серебряные нити.

— Слишком много железа, — повторял Кирилл фразу, которую говорил Фавне час назад. Теперь это звучало как приговор. — Вы принесли его. Вы отравили мой дом металлом. Я очищу станцию. Я переплавлю вас в чистую энергию.

Оля открыла рот, чтобы закричать, но вместо звука изо рта потекла струйка ртути.

Саша среагировал первым. Он выступил вперед, заслоня собой Фавну.

— Доктор Краснов! — его голос прозвучал неожиданно громко и властно. — Говорит старший аналитик Смар. Код ситуации «Зеркало». Посмотрите на меня. Вы слышите мой голос?

Кирилл прекратил смеяться. Его ртутные глаза сфокусировались на Саше. Голова медика повернулась под неестественным углом.

— Психолог, — проскрежетал он. — Ты состоишь из сомнений. Сомнения тяжелее свинца. Ты мешаешь течению эфира.

— Ваше течение эфира чуть не убило Ольгу, — Саша сделал осторожный шаг в сторону, заходя сбоку. — Вы отличный диагност, Кирилл. Диагностируйте себя. Ваша температура тела сейчас около восьмисот градусов. Почему ваш костюм не плавится?

Этот вопрос сработал. Профессиональная гордость врача оказалась сильнее магического безумия. Кирилл опустил взгляд на свои руки. Серебряная кожа начала трескаться, обнажая раскаленное докрасна мясо.

— Боль... — удивленно протянул он. — Почему мне больно? Эфир обещал блаженство...

— Потому что эфир идиот! — рявкнула Фавна, пользуясь моментом замешательства. Она схватила тяжелый переносной огнетушитель, стоявший у входа. — Законы физики никто не отменял, самовлюбленный кусок ртути! Тебе горячо, потому что ты нарушаешь энтропию! Остынь!

Она направила сопло на Кирилла и нажала рычаг.

Вместо привычной химической пены из раструба ударила струя густой, вязкой тьмы. Чернила. Абсолютно черные, поглощающие свет чернила. Они окутали доктора, мгновенно гася исходящий от него жар. Кирилл вскрикнул — на этот раз вполне человечески — и рухнул на пол вместе с растекающейся Ольгой. Девушка тут же приняла нормальную форму, тяжело дыша и размазывая по лицу слезы вперемешку с тушью.

Огнетушитель в руках Фавны щелкнул и исьяк. Она отбросила пустой баллон.

— Что это было? — просипела Ольга, пытаясь встать на дрожащие ноги. — Моя форма... она текла...

— Это был четверг, — мрачно ответила Фавна, проверяя пульс Кирилла. Пульс был редким, но стабильным. Обычным, человеческим. Жар ушел. — Кажется, наш объект решил устроить вечеринку-сюрприз.

Из медблока они выбежали бегом. Коридоры станции изменились. Лампы дневного света теперь росли из стен, как сталагмиты. Пол под ногами местами стал мягким и пружинящим, как мох, а местами превратился в зеркально-гладкий лед.

Когда они добрались до центрального поста управления, их встретила картина полного распада реальности.

Луиза Зариповна Изова стояла посреди зала. Седая, нестигаемая капитан станции, женщина, способная взглядом остановить реактор, сейчас прыгала на одной ноге. Вторая ее нога заканчивалась копытом. Настоящим лошадиным копытом, поросшим густой шерстью. При этом на ней все еще болтались форменные брюки, нелепо обрезанные чуть ниже колена.

— Лейтенант Васильев! — кричала она в коммуникатор, который держала в руке. Из динамика доносилось только кваканье жаб. — Я приказываю активировать протокол изоляции! Что значит «я зеленею»?!

Лейтенант Охрименко висел под потолком вниз головой. Его тело приобрело невероятную гибкость, позвоночник выгнулся, позволяя ему держаться за трубы вентиляции коленями. Лицо лейтенанта было синим, а изо рта торчал длинный, раздвоенный на конце язык, которым он пытался поймать пролетающую мимо папку с документами.

— Начертательная магия! — выдохнул Саша, хватая Фавну за рукав и втягивая в нишу между серверными стойками. — Кто-то меняет структуру пространства рисунками внимания. Капитан хочет быть кентавром — пожалуйста. Охрименко чувствует себя хамелеоном — будьте любезны. Это коллективный психоз, усиленный внешним полем!

— Это не психоз, это биохимия! — Фавна выглянула из-за стойки. — Смотри на пульт связи.

Главный экран центра управления, разбитый на сотни секторов, отображал состояние систем. Обычно зеленые огоньки сейчас танцевали. Они складывались в фигуры. В руны. Древние, острые символы, которые плыли по стеклу, оставляя за собой маслянистый след.

Один из символов отделился от экрана и поплыл по воздуху прямо к ним. Маленькая золотистая спираль.

— Не дыши, — приказал Саша, зажимая нос. — Это аэрозольная формула.

Фавна задержала дыхание. Символ завис в сантиметре от ее лица, повисел и рассыпался безвредными искрами. Запах жженных фиалок усилился до тошноты.

Именно в этот момент в дверях поста появился Виктор Громов.

Он вошел с видом хозяина дорогого ресторана, оценивающего работу персонала. На нем не было ни единого пятнышка черной пены, ни капли ртути, ни следов трансформации. Более того, он сиял. Буквально. Золотистый ореол чистого превосходства окружал его фигуру, заставляя тени расступаться.

— Проблемы со связью, капитан? — бодро спросил он, подходя к столу Изовы. — Опять старина Хикс напортачил с настройками? Давайте я помогу.

Луиза Зариповна, забыв про свое копыто, развернулась к нему. Ее лицо выражало крайнюю степень изумления, смешанного с надеждой.

— Витя? Ты... в порядке?

— Лучше всех! — он улыбнулся, демонстрируя идеальный прикус. — Я чувствовал, что здесь нужен кто-то адекватный. Весь экипаж будто белены объелся. Один Птицын вообще попытался пройти сквозь стену. Кстати, почему здесь воняет фиалками? Похоже на духи моей бывшей жены, терпеть их не могу.

Виктор подошел к пульту связи. Его пальцы замерли над сенсорной панелью.

Экран, минуту назад плывший рунами, внезапно очистился. Руны съезжились, почернели и осыпались пеплом. Под ними загорелась ровная надпись: «Связь отсутствует. Критическая ошибка ядра».

— Вот видите? — Виктор развел руками. — Старое доброе железо против этих ваших квантовых выкрутасов. Нужно просто перезагрузить систему вручную. Где тут распределительный щит?

Он уверенно шагнул к тяжелой титановой переборке, закрывающей доступ к силовым кабелям станции. Переборка весила не меньше трехсот килограмм и открывалась только гидравлическим приводом, требующим ключа-карты капитана.

Виктор положил ладонь на холодный металл.

Раздался звук, похожий на хруст ломающихся веток. Металл застонал. Под давлением невидимой силы титановая плита толщиной в десять сантиметров начала прогибаться внутрь. По ней побежали трещины, похожие на паутину.

— Господи, да он просто... открывает ее, — прошептал Саша, чьи очки едва не свалились с носа от потрясения. — Без инструментов. Силой мысли. Это телекинез пятого класса сложности. Ньютон сейчас переворачивается в гробу быстрее турбины нашего реактора.

Фавна смотрела на широкую спину Виктора, на игру мышц под комбинезоном, на то, как легко он ворочает многотонные пласты реальности. И впервые за полгода знакомства она почувствовала не раздражение, а липкий, холодный ужас.

Красота Виктора всегда казалась ей фасадом, ширмой для пустоты. Теперь она поняла: красота была побочным эффектом. Он не просто ухаживал за ней. Он привык получать все, чего желает. А сейчас он пожелал стать Богом этой консервной банки.

— Саша, — тихо позвала она. — План меняется. Нам нельзя допустить, чтобы он открыл щит. Если он замкнет питание на себя, станция станет его игрушечным конструктором.

— И что ты предлагаешь? — нервно слотнул Смаг. — Прочитать ему лекцию о вреде нарциссизма? Пока я буду формулировать тезисы, он превратит нас в табуретки.

— У химии есть ответы на все вопросы, — ухмыльнулась Фавна, доставая из кармана халата маленькую стеклянную ампулу с прозрачной жидкостью. — Включая лечение звездной болезни. Витя! — крикнула она громче. — А ну отошел от панели! Ты испортишь маникюр!

Виктор обернулся. Его красивое лицо исказила гримаса раздражения.

— Рит, не лезь. Взрослые дяди чинят электричество. Иди лучше полей фикус в лаборатории, он опять вырос до потолка.

— Я полью тебя, — пообещала Фавна.

Она размахнулась и метнула ампулу. Целиться в красивого парня было даже приятно.

Ампула летела точно в лоб Виктору. Тот лениво махнул рукой, намереваясь отбить ее в сторону силой магии.

Но Фавна рассчитывала именно на это.

Ампула попала в зону действия его телекинетического поля. Жидкость внутри не была простой водой. Это был концентрированный раствор ферроцен-сульфатов, стабилизированных в тяжелой воде. Смешанное соединение, крайне нестабильное при контакте с сильными магнитными полями.

Поле Виктора вступило в реакцию с раствором.

Взрыва не было. Был звук, с которым рвется мокрая ткань. Пространство вокруг головы Виктора пошло волнами. Золотистое сияние померкло, сменившись грязно-бурой дымкой.

Виктор пошатнулся. Его рука, тянувшаяся к переборке, дрогнула. Титановый лист со скрежетом вернулся на место, оставив на пальцах парня глубокие вмятины.

— Что... что ты сделала? — прохрипел он, ощупывая лицо. Его идеальное зрение, видимо, дало сбой — он промахивался пальцами мимо собственного носа. — Мои расчеты... они путаются. Два плюс два равно рыба. Почему рыба?

— Это антимагический деградант, — спокойно пояснила Фавна, выходя из укрытия. — Локальное нарушение когерентности твоего биополя. Проще говоря, Витя, твой процессор перегрелся. Советую сесть, пока законы гравитации снова не стали для тебя откровением.

Виктор упал на колени. Ореол окончательно исчез. Перед ними снова был просто очень красивый, очень растерянный молодой человек, которого жестоко обманули законы вселенной.

— Фавна... я ничего не понимаю, — в его голосе послышались детские, обиженные нотки. — Мне страшно.

— Всем страшно, красавчик, — бросила она, проходя мимо него к пульту. — Добро пожаловать в реальный мир. Здесь чугунная сковородка иногда эффективнее теории струн.

Луиза Зариповна, хромая на своих двух разных ногах (одна человеческая, другая лошадиная), подошла к Саше.

— Докладывайте, Смар, — сипло приказала она. — Что это за балаган? Почему у меня растет шерсть там, где ее не было со времен студенчества?

— Луиза Зариповна, — Саша поправил очки, которые чудом удержались на месте во время всеобщего безумия. — Поздравляю. Мы официально покинули сферу влияния классической науки. Объект в боксе генерирует псай-энергоинформационное поле. Оно воздействует на теменную долю коры головного мозга, отвечающую за восприятие причинно-следственных связей. Грубо говоря, оно исполняет желания. Глубинные, подсознательные желания. Птицын хотел быть ближе к природе — он стал камнем. Кирилл ненавидел холод металла — он стал живой ртутью. А вы, судя по всему, тайно мечтали выиграть Дерби в Кентукки.

Капитан Изова посмотрела на свое копыто. Затем на Сашу. Затем на Фавну, которая уже колдовала над пультом, вводя команды отмены, игнорируя мигающие красным руны.

— То есть, — медленно произнесла капитан, — мы попали в сказку?

— В самую отвратительную ее версию, — кивнул Саша. — Без морали и с высокой смертностью. Инцидент с Рит и антимагическим раствором показал, что воздействие можно купировать химически. Но ненадолго. Поле усиливается. Еще пара часов, и станция начнет менять орбиту, потому что кому-нибудь приснится полет.

— Земля, — вспомнила Изова. — Нужно доложить на Землю. Пусть пришлют корабль эвакуации. Или экзорцистов.

— Связи нет, — отозвалась Фавна, не отрываясь от экрана. — Руны заблокировали частоты. Я пытаюсь обойти через аварийный лазерный маяк, но фотоны отказываются двигаться прямо. Они считают, что прямая линия — это буржуазный пережиток.

Внезапно по всем динамикам станции прошел глубокий, низкий гул. Не сирена. Звук был живым. Он вибрировал в зубах и заставлял суставы ныть.

Багровый свет в медблоке, видневшийся в конце коридора, вспыхнул ослепительно белым.

Куб в лабораторном боксе проснулся окончательно.

Первая стадия Игры закончилась. Началась вторая.

— Лейтенанты Охрименко и Васильев ко мне! — гаркнула Луиза Зариповна, моментально возвращая себе командный тон. Даже копыта, казалось, цокнули по полу в такт приказу. — Смар, Рит — в лабораторию. Попробуйте изолировать объект свинцовыми плитами. Шмид... где Шмид?

— В ангаре спит, — ответил висящий под потолком Охрименко. — Ему хоть бы хны. Валяется на крыле челнока и посвистывает.

— Оставьте его, — подумав секунду, решила Изова. — Человек, который может спать во время конца света, либо святой, либо бесполезен. Вопросы? Нет? Выполнять!

Глава 4. Странные происшествия

Утро на «Тритоне-7» началось с запаха корицы, ванили и абсолютного когнитивного диссонанса.

В восемь ноль-ноль по бортовому времени станция должна была перейти в фазу активного бодрствования. Вместо этого главный компьютер жизнеобеспечения выдал серию звуков, напоминающих брачный крик лося, смешанный со вступлением к Пятому концерту для фортепиано с оркестром Бетховена, сыгранному на расстроенном аккордеоне. Дежурное освещение сменилось пульсирующим розовым неоном.

Фавна Рит проснулась от того, что ее койка медленно вращалась вокруг своей оси. Это было бы романтично, если бы койка при этом не пыталась подняться к потолку. Девушка открыла глаза. Желтый пластиковый потолок был там, где ему и положено — внизу, под ногами. Сама же Фавна висела в полуметре над матрасом, завернувшись в одеяло, как шаурма. Сила тяжести решила взять незапланированный выходной.

— Я птица? — спросила она у потолка. — Или просто забыла оплатить счет за гравитацию?

Рядом, на соседней койке, которая вела себя прилично и оставалась на месте, сидел Саша Смар. Он выглядел так, будто провел ночь в блендере: волосы стояли дыбом, пижамные штаны перекрутились вокруг одной ноги, а на лице застыло выражение человека, только что доказавшего теорему Ферми исключительно силой мысли.

— Ты левитируешь, — констатировал он вместо приветствия. — Причем неравномерно. Твоя голова тянется к потолку сильнее, чем тазобедренный отдел. Если это продолжится, через час ты превратишься в человеческий крендель.

— Спусти меня! — потребовала Фавна, размахивая руками. От движения ее начало медленно крутить против часовой стрелки. — У меня вестибулярный аппарат не рассчитан на орбитальную йогу!

Саша щелкнул пальцами. Не специально — это вышло рефлекторно, как чихание. Раздался звук лопнувшей струны. Центробежная сила исчезла. Фавна рухнула обратно на кровать, выбив из матраса облако пыли и синтетического наполнителя.

— Спасибо, — выдохнула она, потирая ушибленный копчик. — Что происходит, Саш? Вчера Виктор пытался стать архитектором станции, Кирилл плавился, капитан Изова отрастила лошадиные ноги... А сегодня утро подозрительно пахнет яблочным пирогом. Откуда на стерильной станции яблочный пирог?

— Понятия не имею, но мой желудок голосует за то, чтобы мы пошли на разведку, — Саша встал, подошел к иллюминатору и тут же отшатнулся. — Мать честная...

За толстым стеклом обзорного окна больше не было черного бархата космоса с россыпью звезд. Там клубился густой, молочно-белый туман. Он жил своей жизнью: складывался в фигуры гигантских рыб, распадался на мириады светящихся бабочек, которые бились о стекло снаружи, и постоянно издавал низкий, утробный гул. Звук этот проникал сквозь переборки, заставляя вибрировать зубы.

— Мы дрейфуем? — Фавна подбежала к панели управления каютой. — Навигация сошла с ума. Координаты меняются каждую секунду. То мы внутри Юпитера, то в центре Земли, то вообще в кармане у какого-то великана.

— Это магия пространства, — тихо сказал Саша. — Кто-то очень могущественный решил, что Нептун — это скучно, и передвинул декорации. Пошли в столовую. Если реальность сломалась окончательно, я хочу хотя бы позавтракать яичницей, пока яйца не начали нести сами себя.

Центральная столовая модуля никогда не видела такого скопления народа в столь ранний час. Обычно ученые завтракали небольшими группками прямо в лабораториях, поглощая безвкусную пасту из тюбиков или синтезированные белки. Сейчас здесь собрался весь цвет науки «Тритона-7». И все они молчали.

Воздух столовой дрожал от жара огромной промышленной печи. Но жар этот был неправильным. Он не сушил горло, а наоборот, наполнял легкие кислородом, как воздух после грозы в сосновом бору.

У плиты священнодействовала тетя Маргарита. Грузная женщина пятидесяти восьми лет, ветеран общепита дальнего следования, всегда ходившая в неизменном белом халате и крахмальном колпаке. Сейчас колпак съехал набок, халат был закатан до локтей, обнажая неожиданно мускулистые руки, лишенные старческой дряблости.

Тетя Маргарита читала вслух. Перед ней лежала старая, потрепанная книга в кожаном переплете. Она водила пальцем по строчкам церковнославянского текста и громко, с выражением произносила:

— ...И рече Господь: да будет твердь посреде воды, и да разлучит между водою, яже есть под твердию, и между водою, яже есть над твердию. И бысть тако...

Каждое слово падало в кипящее масло сковороды.

Тетя Маргарита переворачивала лопаткой нечто, похожее на обычную глазунью из пяти яиц. Но желтки этих яиц сияли чистым золотом, испуская видимые лучи света. Пар, поднимающийся от сковороды, сворачивался в воздухе рунами, которые никто не мог прочесть, но смысл которых почему-то казался успокаивающим.

— Святые угодники, — прошептал профессор Клопов, стоявший в очереди первым. Его седые волосы были уложены в идеальную прическу, морщины на лбу разгладились, а сутулая спина стала прямой, как у кадрового военного. — Маргарита Степановна, что вы туда добавили? Экстракт стволовых клеток? Наниты?

Маргарита обернулась. Фавна сглотнула. Повариха изменилась настолько, что ее едва можно было узнать. Исчез второй подбородок. Кожа приобрела персиковый оттенок юности. Седина полностью ушла из волос, оставив лишь благородную платину. На вид ей нельзя было дать больше тридцати пяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.